

Экономика России в условиях кризиса мирохозяйственного устройства

Девяностые годы XX века и нулевые XXI века прошли под знаком нелиберальной глобализации. Новая ступень научно-технологического прогресса привела к кардинальному усилению хозяйственной взаимозависимости государств мира благодаря быстрому развитию международной торговли, резко возросшей транснациональной мобильности финансовых ресурсов и рабочей силы. Процессы интернационализации происходили в этот период в условиях, когда рыночная экономика стала универсальной формой организации хозяйственной жизни, и их важнейшей стороной стало последовательное снятие барьеров, ограничивавших непосредственное взаимодействие экономических агентов из разных стран во всех сферах деятельности.

Тенденция к формированию на земном шаре всё более и более однородной рыночной среды получила многообразные проявления, и именно она, как представляется, определила качественную специфику этого этапа интернационализации мирового хозяйства. Быстро прогрессировал процесс отказа от административных и экономических (прежде всего тарифных) ограничений, стоявших на пути международной торговли, произошла полномасштабная финансовая либерализация. В валютной сфере, в центре которой неизменно оставалось положение доллара США, процесс либерализации проявился в переходе большинства стран к режиму свободного плавания национальных валют. Быстро формировались единые стандарты макроэкономической политики. Её монетарная составляющая в большинстве стран была подчинена задаче минимизации уровня инфляции, а финансовая – ограничению жёсткими рамками дефицита государственного бюджета. Формирующийся глобальный характер рыночной экономики проявлялся и в быстром развитии транснациональных производственных структур, в рамках которых возникали разветвлённые цепочки создания стоимости, связывавшие в единое целое производителей разных стран. Получившие развитие в различных частях мира региональные интеграционные процессы рассматривались в этом контексте как форма укрупнения структуры мирового хозяйства в ходе его глобализации.

Все эти тенденции сопровождалось ощутимым ослаблением экономических позиций национальных государств, передачей их функций на уровень меж- и транснациональных организаций. Всё чаще и чаще в общественно-политическом дискурсе всплывала идея о формировании в будущем единого мирового правительства.

Конечно, и в этих условиях была очевидной ключевая роль, которую в процессе глобализации играли США и их союзники. Однако формировалось представление, что интересы ведущих государств, по сути дела, совпадают с интересами мирового сообщества, поскольку их реализация содействует быстрому распространению современных производственных технологий и прогрессивных форм организации и менеджмента. Эти представления подкреплялись тем, что в ходе глобализации транснациональные компании, штаб-квартиры большинства которых находились в развитых государствах, в массовом порядке переносили в развивающиеся страны свои производственные звенья.

Следствием процесса глобализации стали существенные перемены в специализации различных групп государств. В США и у некоторых их союзников экономика превратилась в сервисную: основная, а в Соединённых Штатах – подавляющая, доля валового внутреннего продукта этих стран стала формироваться за счёт предоставления услуг. Среди этих услуг, разумеется, важное место занимают такие, которые представляют высокоинтеллектуальные виды деятельности, относящиеся к реальному сектору экономики¹ – научно-технологические, информационно-коммуникационные, образовательные, медицинские, транспортные, строительные услуги. Но заметное место в экономической структуре заняли также такие системные виды деятельности, как финансовые услуги. В последние десятилетия XX века развитие рынков ценных бумаг, разработка изощрённых операций с финансовыми активами, основанных на сложных математических конструкциях, превратили финансовое посредничество в очень прибыльный вид деятельности. Их предоставление на глобальном уровне сконцентрировалось в ограниченном числе финансовых центров, большинство которых либо расположены в ведущих странах, либо контролируются ими.

Процесс снятия ограничений с транснациональных сделок не происходил (и не мог происходить) в заранее согласованном всеми странами порядке. Поэтому упомянутое ослабление экономических позиций национальных государств в период неолиберальной

¹ Реальный сектор экономики не следует отождествлять со сферой материального производства. К этому сектору относятся все виды деятельности, входящие в технологические цепочки, ведущие, в конечном счёте, к удовлетворению естественных потребностей людей.

глобализации не носило характера неотвратимого закона, в одинаковой мере затрагивавшего все государства. Наиболее успешные из развивающихся стран (среди них следует прежде всего отметить КНР), активно используя возможности глобализации, тщательно дозировали собственные решения по либерализации хозяйственной деятельности в соответствии с национальными долгосрочными стратегическими целями. Это означает, что и в период относительно благоприятного хода процесса глобализации сохранялся (а отчасти и развивался) потенциал межгосударственных противоречий.

Представляется, что переломным моментом стал мировой финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. Глобальная катастрофа, явившаяся результатом радикальной либерализации рынков капитала, нанесла мощнейший удар по странам, ранее сделавшим ставку на финансовое посредничество. И вот здесь обнаружилось, что национальные интересы мировых лидеров никуда не исчезли, они просто оставались в тени в ситуации, пока им ничего не угрожало. Произошедшее в результате кризиса нарушение баланса национально-государственных интересов, связанное с ускорившимся возвышением Китая, принявшим явные очертания изменением общего соотношения сил на мировой экономической арене, повышением интереса к позиции России о необходимости перехода к многополярному миру, а также притягательности таких организаций, как БРИКС, привели к возвращению геополитики на передний план в мировых делах. Эта тенденция только усилилась в период пандемии.

Мировая экономика вступила в зону институционального кризиса. Недавние лидеры неолиберальной глобализации активно занялись перестройкой структур собственных экономик, что явным образом проявилось в линии на возврат производств, ранее перенесённых в развивающиеся страны. Ещё недавно казавшиеся незыблемыми стандарты рациональной макроэкономической политики стали в период пандемии попросту игнорироваться развитыми государствами с целью противодействия рецессии и сохранения социальной стабильности в своих национальных границах. В арсенал их действий вошли такие «нетрадиционные» меры ограничения свободы транснациональных сделок, как применение разного рода санкций против своих геополитических конкурентов. Всё это даёт осно-

вания полагать, что мы являемся свидетелями по меньшей мере значительного замедления процесса глобализации², а, вероятнее всего, прихода ему на смену процесса фрагментации мирового хозяйства. Последний неизбежно будет сопровождаться существенной институциональной перестройкой экономических отношений в различных макрорегионах планетарной экономики.

В силу известных причин Россия оказалась в центре геополитических разломов современного мира. Беспрецедентные санкции, обрушившиеся на неё после начала специальной операции на Украине, вполне укладываются в общую логику «деглобализационного процесса». Для последней характерно вытеснение конкурентных отношений классических рыночных экономических агентов – фирм и потребителей – отношениями противостояния национальных государств и их коалиций. В этой «игровой ситуации», главными действующими лицами которой прямо или косвенно стали крупнейшие государства мира, российской стороне предстоит найти адекватные ответы на брошенные вызовы.

В связи с санкционной войной российской экономике приходится иметь дело с тремя основными видами шоков. Состоявшиеся и потенциальные ограничения на российский экспорт являются (либо могут стать) источником «шоков со стороны спроса». Запреты на поставку российским фирмам различных видов продукции, а также естественно возникающие или искусственно воздвигаемые логистические барьеры, затрудняющие доставку импортной продукции, порождают так называемые шоки «со стороны предложения». Наконец, сокращение возможностей или даже полное блокирование расчётов с использованием валют недружественных стран относятся к категории «финансовых шоков». Каналы воздействия и последствия этих ударов по экономике различны, что приходится учитывать при выработке мер экономической политики.

Шоки, сопровождающие сокращение внешнего спроса, создают проблемы с реализацией ориентированной на экспорт продукции; они чреваты остановкой соответствующих производств и ростом безработицы. Шоки, дезорганизующие производственный процесс, могут приводить к такому крайне неприятному явлению, как стагфляция - одновременному сокращению выпуска и повышению уровня инфляции. Ограничения на применение в международных расчётах резервных валют серьёзно затрудняют осуществление внешнеэкономических связей и тем самым могут создавать целый комплекс серьёзных проблем для

² Эта позиция получила весьма широкое распространение, отражением чего стало появление термина Slobalization – от slower globalization (более медленная глобализация).

экономики, глубоко интегрированной в мировое хозяйство. Наконец, такие выходящие за рамки цивилизованных отношений меры, как замораживание суверенных резервов, а также средств юридических и физических лиц, попавших под санкции, напрямую сокращают ресурсы, имеющиеся в российской экономике. Всё это в комплексе создаёт угрозы внесения хаоса в производственную и финансовую деятельность, неконтролируемого спада производства, крупномасштабной безработицы, подрыва социально-политической стабильности российского общества.

Характер возникающих проблем однозначно свидетельствует о том, что нашей экономике предстоит пройти через период масштабной реструктуризации, связанной с необходимостью её модернизации при существенном изменении характера включения в систему мирохозяйственных связей. Понятно, что осуществление такой реструктуризации в условиях дефицита времени – отнюдь не тривиальная задача.

Анализ показывает, что в сложившихся условиях наличие базовых ресурсов (сельскохозяйственных угодий, природных ископаемых) для производственной деятельности и удовлетворения основных потребительских нужд является отнюдь не обузой, порождающей «наркотическую зависимость» от доходов, связанных с их эксплуатацией (так называемая «голландская болезнь»), а важнейшим условием успешного ответа на вызовы, с которыми столкнулась Россия. Именно это национальное достояние гарантирует возможность при всех условиях поддерживать достойный уровень потребления населения и не допускать неприемлемого снижения производственной активности. При этом ключевой становится задача определения оптимального механизма финансирования насущных структурных изменений. Дело в том, что эти изменения требуют значительных инвестиционных ресурсов и по необходимости займут немало времени.

Попытка обеспечить структурную перестройку исключительно на основе действия сил рыночной самонастройки в рамках взаимодействия частных фирм неизбежно сопровождалась бы в кратко- и среднесрочном плане неприемлемым уровнем безработицы. Определённую роль в смягчении этой проблемы может сыграть малый бизнес, и поэтому усилия, направленные на создание максимально благоприятных условий для его деятельности, являются абсолютно оправданными. Вместе с тем эта роль не может не быть ограниченной. Без активного участия государства процесс структурной перестройки неизбежно будет очень длительным и болезненным. В его распоряжении имеется инструментарий активной промышленной политики, позволяющей как сформировать общий дизайн насущных структурных изменений, так и добиться его реализации. Именно государство может

обеспечить достаточно оперативное перемещение части доходов ресурсных отраслей экономики для финансирования секторов, нуждающихся в инвестициях и испытывающих дефицит текущего спроса.

В некотором смысле проблема аналогична той, которая стояла перед советским государством в связи с проведением индустриализации. В принципиальном отношении возможны несколько подходов к её решению.

Первый состоит в прямом изъятии средств из отраслей-доноров посредством жесточайшего налогового прессинга. Недостатки такого современного варианта «продразвёрстки» очевидны: его осуществление подавляет всякие стимулы к эффективной работе ресурсного сектора экономики и сопряжено с провоцированием социально-политической напряжённости.

Второй вариант связан с инфляционным финансированием структурной перестройки. Риски, связанные с его реализацией, тем более велики, что и без того в российской экономике проблема инфляции, в силу обрушившегося на неё шока со стороны предложения в среднесрочной перспективе, будет стоять весьма остро.

Наконец, третий подход заключается в максимальном использовании финансовых возможностей самого государства. Эти возможности состоят в накопленных средствах фонда национального благосостояния, принадлежащих государству факторных доходах (прибыль от государственных активов, рентные платежи за принадлежащие государству природные ресурсы), а также в заёмных средствах. Понятно, что активное использование инструмента заимствований приведёт к тому, что в течение довольно длительного времени страна будет жить в условиях увеличивающегося государственного долга. С учётом того, что сегодня этот долг находится на низком уровне, а также того, что за счёт привлечённых кредитов должны быть созданы эффективные производства, доходы которых станут источником его погашения в будущем, особой опасности в таком развитии событий нет.

Структурный шок, с которым столкнулась российская экономика, предъявляет особые требования к денежно-кредитной политике. Первые меры, принятые денежной властью, следует признать эффективными. Быстрое (уже 28 февраля 2022 г.) и резкое повышение ключевой процентной ставки до 20 процентов, позволило сбить ажиотаж на валютном

рынке³, вернуть вкладчиков в банки, в значительной степени подавить всплеск «моментной инфляции»⁴. Поддержки заслуживает и оперативная реакция центрального банка на процессы стабилизации ситуации на рынках товаров и финансовых активов - снижение ключевой процентной ставки вначале до 17 (с 11 апреля 2022 г.), а затем до 14 процентов (с 5 мая 2022 г.). Вместе с тем в отношении планов денежных властей в 2023 году вернуться к четырёхпроцентной годовой инфляции имеются сомнения. При этом сомнения касаются не возможности добиться такого результата, а целесообразности самой этой установки в нынешних условиях.

Шок со стороны предложения и вызванные им серьёзные структурные изменения в российской экономике носят долговременный характер, явно не укладывающийся в перспективу полутора-двух лет. Преждевременная попытка подавить инфляцию в этих условиях чревата серьёзными негативными явлениями в производственной сфере – провоцированием ухудшения финансового положения многих предприятий и погружения экономики в длительную стагнацию. Поэтому задача на обозримый период должна заключаться не в том, чтобы как можно скорее вернуться к четырёхпроцентному уровню годовой инфляции, а в том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия для структурной перестройки экономики.

С точки зрения заинтересованности экономических агентов в инвестировании, столь важной для решения этой задачи, ключевое значение имеет не уровень инфляции, а её предсказуемость для экономических агентов и величина реальной процентной ставки. При этом низкая (или даже отрицательная) величина последней сама по себе не означает наличия благоприятных условий для инвестирования: ведь предпринимателям приходится считаться с тем, что ситуация может быстро и кардинальным образом измениться в случае су-

³ Курс рубля к доллару США составлял 23 февраля 2022 г. 80,42, 11 марта - 120,38, а 13 апреля – 79,63 руб./долл. (https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/)

⁴ Темпы месячной инфляции (в процентах к предыдущему месяцу) в первом квартале 2022 г. быстро нарастали: январь – 0,99, февраль – 1,17, март – 7,61%; в годовом исчислении эти показатели составляют: январь - 12,5, февраль – 15,0, март – 141,1, апрель – 44,0% (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_potreb_cen_03.html). В апреле инфляция начала быстро снижаться. Её среднесуточный уровень в первой половине этого месяца был уже в два раза меньше, чем в марте – 0,1 против 0,237% (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/60_13-04-2022.htm)

ществленного снижения инфляции. Данное соображение тем более важно, что в нормальных условиях отчётливо проявляется зависимость между уровнем инфляции и его колеблемостью.

Стандартный подход к решению этой проблемы состоит в том, чтобы последовательно вести дело к сокращению инфляции и одновременно осуществлять комплекс мер, призванных убедить экономических агентов в том, что антиинфляционная политика будет твёрдо проводиться несмотря на текущие издержки, лежащие на стороне производства. Предполагается, что это – наиболее надёжный путь формирования благоприятного инвестиционного климата, и, похоже, именно к его реализации, пусть и не в самом жёстком варианте, склоняется центральный банк России.

Между тем, в условиях той сложной конфигурации шоков, с которыми столкнулась российская экономика, текущие издержки могут оказаться слишком большими. Поэтому заслуживает самого серьёзного внимания иной вариант действий, в своё время успешно опробованный рядом стран, в которых годовой уровень инфляции превышал 30–40 процентов. Речь идёт о внедрении системы индексации всех срочных контрактов, предполагающей автоматическую корректировку обязательств экономических агентов с учётом индекса цен, регулярно фиксируемого уполномоченным государственным органом. Конечно, воплощение в жизнь этой идеи требует немалых усилий и времени: ведь, помимо прочего, в этом случае фирмам предстоит перейти на адаптированную к инфляции систему бухгалтерского учёта, а государству – внести изменения в налоговое законодательство. Кроме того, индексация не может быть совершенной, поскольку она будет происходить не непрерывно, а через определённые интервалы времени⁵. Но на фоне долгосрочного характера структурного шока, обрушившегося на нашу экономику, эти издержки могут оказаться приемлемыми с учётом тех выгод, которые даёт для субъектов хозяйственной деятельности кардинальное уменьшение влияния на принимаемые ими решения неопределённости ценовой динамики.

Ещё один вызов, с которым столкнулись денежные власти, связан с принятыми недружественными государствами мерами по ограничению возможностей для российских

⁵ О возможностях и ограничениях адаптации к инфляции при помощи индексации номинальных контрактов известно давно (см., например, Begg D., Fisher S., Dornbusch R. Economics. Third Edition. McGraw Hill Book Company, 1991. PP. 520-521), однако, с утверждением идеологии Вашингтонского консенсуса они были фактически преданы забвению.

банков и экономических агентов пользоваться в международных расчётах резервными валютами. При этом такие возможности не были исключены полностью. В результате возникла весьма специфичная ситуация. С одной стороны, сохраняется, образно говоря, «бутылочное горлышко», через которое могут проходить расчёты в резервных валютах со стороны не попавших под санкции фирм через не попавшие под санкции российские банки за некоторые виды импортируемых товаров. С другой стороны, никак нельзя не считаться с тем, что недружественные государства в состоянии в любой момент сузить или даже вообще перекрыть платежи в резервных валютах.

Реакция российской стороны была абсолютно адекватной. Приняты решения, позволяющие российским фирмам погашать в случае необходимости внешнюю задолженность рублями, на рубли были переведены расчёты за поставляемый на внешние рынки газ. Важное, хотя во многом и вынужденное значение имеют ограничения по капитальным статьям платёжного баланса, в частности, решение о необходимости продажи экспортёрами 80 процентов экспортной выручки на валютном рынке.

Резко упавшая привлекательность долларов и евро для российских экономических агентов стала причиной беспрецедентно быстрого снижения их курса к рублю. Более того, эскалация антироссийских санкций в финансовой сфере теоретически может привести к полной ликвидации обращения валют недружественных государств на российском валютном рынке. В этом случае взаимная торговля сможет осуществляться либо с использованием в качестве средства расчётов рубля (а также таких валют, как китайские юани и индийские рупии), либо на основе внедрения клиринговых систем расчётов, либо посредством бартерных сделок.

В целом сложившаяся в валютной сфере ситуация носит явно выраженный игровой характер. Западным странам в стремлении нанести ущерб российской экономике приходится учитывать опасность резкого сокращения или даже прекращения поставок из России жизненно важных для них товаров, а также ставшую вполне реальной перспективу подрыва резервного статуса своих валют. Российская сторона избегает полного отказа от ис-

пользования валют недружественных государств и не выдвигает требования перейти в расчётах с ними исключительно на рубли, поскольку не заинтересована в дополнительном сокращении взаимной торговли⁶.

⁶ Но в то же время необходимо принимать во внимание опасность новых актов «замораживания» сумм в резервных валютах, оказавшихся у российских фирм и банков. В этом отношении известную озабоченность вызывает очень значительный уровень актива по текущим статьям платёжного баланса, зарегистрированный в первом квартале 2022 г. - 58,2 млрд. долл.; за весь 2021 г. этот показатель составил 122 млрд. долл. (<https://www.cbr.ru/statistics>)